

"Запретная любовь (сборник)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Запретная любовь (сборник)

© Метлицкая М., 2016

© Трoнина Т., 2016

© Панюшкин В., 2016

© Трауб М., 2016

© Ануфриева М., 2016

© Меклина М., 2016

© Емец Д., 2016

© Ульянова М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Мария Метлицкая

Вечный запах флоксов

Дорога от станции была знакома до мелочей – до таких незначительных мелочей, на которые обычный прохожий просто не обратил бы внимания. Серый валун у дома с зеленым забором. Густой разросшийся шиповник на перекрестке Садовой и Герцена. Дряхлая, почти черная скамеечка у дома с покосившейся башенкой – когда-то, тысячу лет назад, когда она была еще девочкой, на этой скамейке сидела совсем древняя старуха. Старуха смотрела в одну точку, и казалось, что она дремлет с открытыми глазами. Старухи давно уже нет, а скамеечка все стоит – гнилая, темная, с трухлявыми ножками, прибитыми ржавыми гвоздями.

Трехколесный детский велосипедик, тоже брошенный еще в те времена и так и прижившийся за кустом жасмина, – никто и не думал его убирать.

«Белый дом» – тогда еще самый высокий, с огромной мансардой, выкрашенный в такой непрактичный, совсем «не дачный» цвет. Хозяин его – известный композитор – был чудаком и выдумщиком.

Кривая сосна – и вправду кривая. Совсем не похожая на своих сестер – высоких, стройных, точно гигантские спички, тянущихся еще дальше, вверх.

Эта уродица стояла у дороги – низкая инвалидка с перекрученным стволом и неряшливой разлапистой кроной.

Она служила опознавательным знаком для гостей – мама так обычно и объясняла: «От кривой сосны направо, еще метров двадцать – и серый забор». Еще сосна была демаркационной линией для маленькой Нюты – например, разогнаться на велосипеде можно было только до «кривой». Дальше – ни-ни! И если мама увидит – на следующий день с участка не выпустят. Страшное наказание.

Позже, в возрасте нежном, у «кривой» собирались компашки. И, разумеется, назначались

свиданки.

Словом, *кривая* была местом известным и знаковым. Идя со станции, она обязательно останавливалась у «кривой» – тяжелые сумки оттягивали руки, и, хоть до дому оставалось рукой подать, ей не терпелось передохнуть, оглядеться, глубоко вздохнуть, набрав в легкие воздуха, увидеть свой серый забор и наконец прочувствовать, что она – дома.

Московскую квартиру Спешиловы не любили, хотя ждали долго, лет двадцать – в смысле, свою, отдельную. Метро в двух шагах, до рынка пешком. Рай, что и говорить. Да и квартира была замечательная – две комнаты окнами во двор, просторная кухня, большущая ванная. Живи и радуйся! Радовались, но... Дачу любили больше.

Жертвовали центральным отоплением, удобствами, поликлиникой, метро и прочими благами цивилизации. Чтобы летом дышать сиренью, жасмином, сосной. Слушать пение птиц, смотреть, как заходит солнце. Слышать, как ритмично барабанит по жестяной крыше дождь. Как желтеет клен под окном, как первый снег покрывает прелые хвою и листья.

И еще – отцу там работалось. Это и было главной причиной. С раннего утра он уходил в крошечную мансарду на втором этаже – лестница шаткая, надо идти осторожно, – включал настольную лампу, садился за старый дубовый стол, покрытый местами заштопанным маминой ловкой рукой зеленым сукном, и – начиналась работа.

Часов в двенадцать мама относила ему стакан чая в подстаканнике – очень крепкий, долька лимона и три ложки сахара. На краю блюда – пара овсяных печений. К обеду отец не спускался – не хотел прерываться. Обедали вдвоем с мамой. А уж ужинали вместе – тут и начинались разговоры про жизнь и про всякое другое. Если работа ладилась, отец был очень оживлен. А если спускался мрачнее тучи, за столом стояла гробовая тишина. И Нюта старалась быстрее поест и юркнуть к себе. Днем полагалось отдыхать. Но не праздно валяться, а читать, или решать примеры, или учить английский. Такой вот был отдых. Она не роптала, только иногда вскакивала с кровати и подбегала к окну. Там была жизнь! Проносились на великах друзья, девчонки сидели на бревнышке и плели венки, провожая пролетающих мальчишек заинтересованными и почему-то осуждающими взглядами. Нюта смотрела на часы и вздыхала – стрелки ползли как сонные черепахи. И вот – свобода! Она выбегала на улицу, распахивала калитку и врвалась в прекрасную жизнь.

Осенью, конечно, уезжали – у дочки школа, ничего не поделывать. Но в субботу, с утра пораньше, торопились на электричку – у отца за плечами огромный рюкзак, набитый провизией, да и у мамы приличная сумка.

В электричке было сильно натоплено, и Нюта, прислонившись к отцовскому плечу, засыпала.

А вот когда выходили на платформу... Тут и начиналось всеобщее счастье. Снег, голубоватый, серебристый, сверкающий до боли в глазах, переливался на солнце. На ветках сидели пухлые, словно елочные шары, красногрудые снегири. Под заборами, как заполошные, проносились озабоченные белки. Дорожка была протоптана, и под сапогами снег скрипел и вкусно похрустывал.

Отец шел впереди быстрым, спортивным, уверенным шагом. Мама с Нютой все время отставали и умоляли его замедлить ход. Он посмеивался, оборачиваясь на них, и называл их клушами. Наконец подходили к забору. Отец доставал ключ и долго возился с замерзшим замком, отогревая его зажженными спичками.

Потом пробирались по засыпанной дорожке к дому. В доме было совсем холодно, и отец,

сбросив рюкзак, принимался топить печь. Печь была замечательная – уже через пару часов в доме было почти тепло, а уж часа через четыре стояла такая жара, что они раскрывали окна.

Нюта выходила на улицу, лепила снежную бабу, раскидывала пшено в кормушки и бегала в сарай, вытаскивать санки и лыжи.

Потом наспех пообедали и наконец отправлялись в лес.

В лесу было чудесно! Мама все время вздыхала, останавливалась, закидывала голову к небу и повторяла:

- Лесная сказка! Просто берендеев лес! Так и ждешь, что из-за елки вот-вот выйдет старик Морозко.

Отец посмеивался и говорил, что мать – отчаянная выдумщица. Отец убегал быстро и далеко, скоро его синий лыжный костюм пропадал за стволами деревьев. Нюта, тоже лыжница с опытом, пыталась его догнать. А мама плелась не спеша, заглядываясь на снегирей и белок и постоянно окликала мужа и дочь.

Возвращались такие усталые, что сил хватало только выпить чаю и рухнуть в постель. А вечером отец просил «ведро жареной картошки», обязательно с салом и лучком. Под эту картошку он непременно выпивал пару рюмочек водки. В печке трещали дрова, в доме было тепло, и снова начинались долгие разговоры «за жизнь». Нюта клевала носом, и отец брал ее на руки и уносил в ее спальню. Сквозь сладкий сон она слышала, что родители еще долго не ложились, тихо журчала беседа, и все так же потрескивали в печке дрова.

Утром будило яркое солнце, и она, сладко потягиваясь, радостно думала о том, какая она счастливая.

Она выскакивала на кухню, где мама уже жарила яичницу, помогала накрывать на стол – ждали отца. Он, побрякивая, под окнами обтирался снегом, и Нюта махала ему рукой.

Потом собирались домой, и уезжать совсем не хотелось – на даче были самые любимые книжки, самые дорогие сердцу куклы, пальца с незаконченным вышиванием, рисунки – все из ее детства.

А в понедельник начиналась школа. Школу Нюта недолюбливала – училась прекрасно, а вот близких подружек не завела – так получилось. Все самое лучшее, в том числе и подружки, было «дачным».

Два раза в неделю приходила учительница немецкого Эльфрида Карловна, дама строгая и сухая, – по понедельникам и четвергам. А во вторник и пятницу были уроки музыки – их вела замечательная Алла Сергеевна, студентка последнего курса консерватории. Аллочка – так называла ее про себя Нюта – была веселая и остроумная. Она рассказывала смешные байки про студенческую жизнь и кое-что про свой роман с однокурсником. Нюта смущалась и опускала глаза.

Аллочка была хорошенькая, словно кукла, – маленького росточка, очень изящная, с густыми, темными кудрявыми волосами. Однажды она поделилась со смущенной Нютой, что карьера пианистки ее вовсе не занимает – ей хочется замуж, свою квартиру и парочку деток.

- А для чего консерватория? – краснея, спросила Нюта.

Алочка ответила, что Нюта – святая наивность! Где же найти перспективного мужа? Такого, у которого бы «все получилось». А уж она, Аллочка, ему в этом поможет. Сделает из него второго Рихтера, не сомневайся!

Такой подход Нюту расстроил – любимая Аллочка оказалась корыстной и расчетливой. Ей хотелось выбраться из нищеты (жила она в коммуналке, в крошечной комнатке в восемь метров с мамой, подрабатывающей также уроками).

На последнем курсе Аллочка осуществила мечту и вышла замуж – муж ее был из известной музыкальной семьи. И все получилось – пышная свадьба, ресторан, отдельная квартира с домработницей. Вот только мужем стал не тот молодой человек, в которого она была влюблена, а совсем другой. Она пригласила на свадьбу и Нюту, но та не пошла – неловко было смотреть на пышное пиршество и обманутого жениха и родителей. Она знала про Аллочкин корыстный интерес. После Аллочкиного замужества уроки, естественно, закончились – в заработке она больше не нуждалась. Пару раз позвонила бывшей ученице, жарко рассказывая, какая прекрасная наконец настала и у нее жизнь, и – скоро пропала.

Пианино Нюта закрыла и больше к нему не подходила. Почти пять лет.

Зато теперь четыре раза в неделю приходила Эльфрида – немецкий «надо усиливать», говорил отец. И это было логично и правильно – на семейном совете было решено, что поступать Нюта будет на немецкую филологию. Логично еще и потому, что Нютин отец был известным переводчиком немецкой поэзии.

Придя с фронта, куда отец попал в последний призыв, двадцатидвухлетним выпускником университета, он встретил Нютину мать, свою будущую жену – вот с этим было ясно в первую же минуту. Юная студентка пищевого института Людочка Крылова покорила сердце молодого фронтовика моментально – она была серьезна, образована и очаровательна – пепельная блондинка с длинной, по пояс, косой и задумчивыми серыми глазами. Подкупило и то, что Людочка всем сердцем любила поэзию. Три месяца прогулок по ночной Москве – чтение стихов попеременно – то он, то она. Иногда кто-нибудь начинал, а второй тут же подхватывал. Словом, полное единение душ. Свадьбу сыграли скромную, в Людочкиной с родителями коммуналке, куда были, естественно, приглашены все соседи. Зажили в углу, отгороженном старой китайской ширмой.

Дачу строили вместе с тестем – своими руками. Жили в полном согласии и уважении, а когда огромную квартиру принялись расселять, решено было въехать в новую вместе, тем же составом. Тем более что Людочка ждала ребенка.

Соседи уехали осваивать новые районы – Черемушки, Медведково, Зюзино.

А Спешиковым дали в самом центре, на Тишинке, – отец был фронтовиком и уже членом Союза писателей, и тесть, отец Людочки, тоже прошел всю войну.

Нюта родилась на Тишинке и хорошо помнила, как с дедом и бабушкой они ходили на знаменитый Тишинский рынок. Она помнила, как очень боялась калек, просящих милостыню или торгующих старыми вещами.

Дед и бабушка в новой квартире прожили недолго – сначала заболел дед, а следом слегла и бабушка. Так и ушли они один за другим в течение года.

Людочка осталась за хозяйку и очень растерялась – до этого она не знала ни магазинов, ни обедов, ни стирки, ни глажки. Все делала бабушка, умудряясь заниматься еще и внучкой.

Слава богу, что Нюта уже пошла в школу, и Людочка терпеливо, долго и неумело, штудировав поваренную книгу, возилась с обедом.

Отец работал дома и, видя усилия жены, только посмеивался – учись, матушка! Не боги горшки обжигают!

Мать глотала слезы и рвалась на работу. А отец оказался «тираном» – по ее же, Людочкиным, словам. Он был убежден, что место женщины – дома. Тем паче что муж работает там же и дочь «надо встретить со школы».

Людочка вздыхала и бралась за пылесос и тряпки. Иногда она застывала у окна и закусывала губу – ей казалось, что там, за окном, кипит настоящая жизнь. А здесь она пропадает – под вечными домашними руинами и завалами.

Покой в ее душе наступил, когда умный муж приобщил ее к делу – она научилась печатать. Теперь он загружал ее работой, и она чувствовала себя необходимой и значимой.

Послушав подружек, встающих в шесть утра и спешащих на службу, она успокоилась – вот ей никуда торопиться не надо. Не надо так рано вставать, толкаться в метро, после работы спешить обратно домой, обежав несколько магазинов – уже наступила пора дефицита.

Ребенок присмотрен, муж обихожен, она – не замученная жизнью, нервная женщина, а помощница мужу и прекрасная, спокойная мать.

Нюта успешно сдала все экзамены. Учиться было легко и интересно, к тому же появилась и душевная подруга – Зина Быстрова. Готовились вместе к экзаменам, бегали в кино и на выставки, ходили в театры «на лишний билетик». В группе их уважали, но считали зубрилами и «синими чулками» – кавалеров не наблюдалось. Зина была некрасивой, блеклой, сутулой и носила никак не красящие ее крупные и тяжелые очки.

А Нюта... Нюта была хорошенькой, но... Однажды на Герцена ее окликнули – оказалось, Аллочка, бывшая учительница музыки. Аллочка стала еще красивей и выглядела роскошно – пушистая шуба из серебристого меха, лаковые сапожки, сумочка через плечо. В ушах сверкали сережки, и пахло от нее волшебными и незнакомыми духами. Аллочка была весела, рассказывала, что жизнью довольна, муж «послушен» и «выбился в люди», сплошные командировки *туда* – Аллочка почему-то подняла глаза кверху. Купили кооператив, обставили «дорого», есть машина, словом – не жизнь, а сказка.

Потом Аллочка погрузилась, надула ярко накрашенные губки и промолвила:

- А ты, Нюта, меня расстроила, – сказала она обиженно.

Нюта растерялась, не поняв, в чем дело. Аллочка объяснила:

- Смотреть на тебя... тошно, ты уж меня прости. Выглядишь как тетка на пенсии – посмотри на себя! Ни грамма косметики, ни украшений – пусть простеньких. Что за пучок на затылке? Как будто тебе двести лет! А во что ты одета? Ты студентка. Москвичка, дочь приличных и небедных родителей! – И она дернула цигейковый воротник Нютино пальто. – Ну просто стыд, честное слово! И как допустила такое Людмила Васильевна? А сапоги, Нюта! Просто кирза новобранца!

Нюта расстроилась до слез – все было чистая правда. И пальто, перешитое из мамино, и дурацкие сапоги на грубом каблуке грязно-коричневого цвета. И краситься она почему-то

стеснялась. Стеснялась, между прочим, из-за Зины - не хотелось быть краше и ярче ее.

Аллочка все кривила красивый рот и осуждающе качала головой. Нюта понуро обещала исправиться.

Потом пристально, с прищуром посмотрев Нюте в глаза, Аллочка сказала:

- Ну, про кавалеров не спрашиваю - и так понятно. Глухо как в танке. И можешь не сочинять - все равно не поверю!

На прощание, взяв с бывшей ученицы честное слово и пригрозив ей пальцем, Аллочка обещала все «скоро проверить».

Нюта уныло кивнула и побрела восвояси. Дома она долго разглядывала себя в зеркало - Аллочка была стопроцентно права. Что это за старческий пучок на затылке, бледные губы, светлые ресницы. Серая юбка и кофточка с глухим, до самого подбородка застегнутым воротом...

И было принято волевое решение объясниться с мамой. Людмила Васильевна всплеснула руками и запричитала:

- Господи! Какая же я... Идиотка! Нет бы самой догадаться - ты ведь у меня уже на выданье!

Нюта совсем смутилась - ну при чем тут это!

Мать тут же отправилась к отцу, и он в полном недоумении: «Что-то не так, Люда?» - тут же выдал приличную сумму.

Теперь Людмила Васильевна была при деле - целыми днями с раннего утра она толкалась в очередях, обегая ГУМ, ЦУМ и Пассаж.

Она узнала: в конце месяца непременно выбрасывают «импорт» - обувь и вещи, а в «Ванде» надо просто отстоять огромную очередь - косметика там есть всегда. В «Бухаресте» приличные сумки, в универмаге «Москва» бывают югославские сапоги и польские блузки. А в ЦУМе можно достать отличное демисезонное пальто - если, конечно, повезет.

За две недели Нюта преобразилась до неузнаваемости - блестящие сапожки на изящном каблукке, костюм из голубого мягчайшего трикотажа, бордовое пальто с белым песцовым воротником. Теперь она подкрашивала ресницы - чуть-чуть, но глаза стали крупнее и ярче, слегка красила рот бледно-розовой помадой, пользовалась духами «Пани Валевска» в темно-синем непрозрачном флаконе и - самое главное - сделала модельную стрижку. Аллочка, конечно, пропала и не объявлялась, но спасибо ей за прекрасный урок! Своей ученицей она была бы довольна.

А вот Зина отреагировала на изменения скептически:

- Для кого стараешься? Для этих? - и презрительно кивнула в сторону парней.

Нюта пожала плечами:

- Для себя! Просто... так приятнее!

И между подругами впервые пробежала черная кошка.

И все же Нюта радовалась переменам, даже походка у нее изменилась. Стала легче, плавней. И глаза она теперь не прятала, а смотрела в лицо собеседнику, и людей, проходящих по улице, разглядывала с веселым интересом – особенно женщин. Подмечая, какое у кого пальто и какой шарфик.

Тот день, когда отец шумно ворвался в дом и с порога возбужденно и радостно закричал: «Люда! Я нашел Яворского!» – она запомнила на всю жизнь.

Потому что день был весенним и прекрасным, на улице было почти тепло и уже распускалась сирень. Потому что успешно были сданы все зачеты и даже экзамены – как всегда досрочно. И еще потому, что впереди маячило лето. А значит, и дача! Совсем скоро, уже собраны сумки с вещами и коробки с крупой и консервами, а мама переглаживает «дачное» постельное белье, и отец собирает свои бесконечные бумаги и книги.

Отец быстро скинул плащ и ботинки и влетел на кухню, где мама разогревала обед.

– Ты слышишь, Людмила! – продолжал горячиться он. – Яворский нашелся! Приехал из Мурманска, вот ведь старый жук! Захожу к секретарю, а тут он выскакивает как черт из табакерки! И все такой же – тощий, поджарый, с буйной копной, – правда, почти седой. С палочкой, конечно, – сказал, что нога ноет сильно. Но полон жизни и планов. Семью не завел, детей нет. Служит в центральной газете, живет бобылем. Я удивился: бабы всегда по нему сходили с ума – есть в нем что-то такое, ну, вам, бабам, виднее... В общем, обнялись, выпили чаю в буфете, и он будет завтра у нас. Так что, мать, – он строго глянул на жену, – уж завтра, будь добра, постарайся!

Мать закивала – да, конечно, о чем говорить!

Присела на табуретку и стала прикидывать – слава богу, есть в заготовке утка. Хорошо бы с кислыми яблоками, да где их взять... Есть банка селедки – с картошкой под водочку самое то. Ну, холодец не успею, а вот пирогов напеку – с капустой и мясом. А торт купит Нютка – сходит в «Елисеевский», там всегда свежее.

Нюта ушла к себе, а из кухни все доносился оживленный разговор – отец все еще говорил о Яворском, и было очевидно, что он не просто рад встрече – он счастлив!

Нюта знала, что Яворский – фронтовой друг отца – был репортером и человеком отчаянной смелости. Знала, что у него много наград, что в Ленинграде его ждала невеста, но не дождалась – умерла от голода. Знала, что Яворский очень страдал и носил ее карточку в кармане гимнастерки.

Еще знала, что человек он не только талантливый, но и кристально честный. И еще поняла, что завтрашний запланированный поход в «Современник» определенно отменяется – отец никогда не простит ей, если она уйдет из дома.

Она вздохнула и принялась звонить Зине. Зина покуксилась и сказала, что возьмет в театр мать. На том и порешили.

Яворский появился на следующий день – именно такой, как и представляла его Нюта, – в дверях стоял человек высокого роста, очень худой, но плечистый, с густой седой шевелюрой, небрежно зачесанной назад, с орлиным профилем и зоркими и очень цепкими ярко-голубыми глазами. Он опирался на трость и улыбался. Они с отцом обнялись, а матери и Нюте гость

поцеловал руку.

Отец сиял от радости – нашелся старый фронтовой товарищ, нет, не товарищ – друг! И вот они вместе, напротив друг друга, похлопывают друг друга по плечу, любят, смеются и вспоминают свое фронтовое житье. Сели за стол – мама, конечно, расстаралась. Было видно, что гость очень голоден и к домашним яствам не приучен.

Выпили по первой, и отец совсем раскис – вспомнили и помянули погибших друзей. А дальше Яворский рассказывал про свою жизнь на Севере – скупое и сдержанное. Почему туда? Да было направление в местную газету. Обещали комнату – дали. Комната скромная, но окном на юг. Да и что ему, бобылю, надо? И народ там серьезный – моряцкий народ, знаешь, ведь флот у нас всегда был элитой. Климат, конечно... Что говорить. Но платят северные, денег хватает, и отпуск приличный, – вот и едешь на юг – Сочи, Севастополь, Одесса. Там и набираешься солнца и теплого моря на весь следующий год. Да и шеф замечательный, фронтовик, ровесник – мы с ним большие друзья.

Почему не женился? Ну, ты меня знаешь! Боюсь я семейных уз. Вдумайся в слово – узы! Коренное – узлы? Или узда? Вот именно!

Он засмеялся:

– А все, что крепко держит, так то – не по мне. Свобода превыше. Да и кому нужен такой инвалид? Боли бывают такие, что всю ночь мотаюсь кругами, – мотаюсь и вою сквозь зубы, чтобы соседей не разбудить.

Отец покачал головой.

– И все же семья... Такая опора! Вот я себе не представляю...

Яворский улыбнулся и развел руками.

Чая Нюта не дождалась – ушла к себе, сославшись на усталость.

Это было неправдой. Просто ей захотелось побыть одной. Она легла в кровать и почувствовала какое-то томление в сердце, какую-то щемящую тоску. Спала она в ту ночь плохо и встала с головной болью. Мама заварила ей крепкий чай и положила четыре куска сахара. Голову немножко отпустило, но все равно захотелось уйти к себе, улечься в постель и закрыть глаза.

Она не понимала, отчего такая тоска на душе. Экзамены сданы, впереди дача и лето, три месяца каникул и, возможно, еще и море! Отец обещал путевку в Анапу.

Она лежала, вытянувшись в струну, и когда зашла мама, притворилась спящей.

Никого не хотелось видеть, ни с кем разговаривать. К обеду будить ее не стали.

А она все лежала и думала о вчерашнем госте. По рассказам отца она знала, что он, Яворский, человек отчаянный, храбрый, тонкого ума, огромной образованности и прекрасно владеет пером. С начальством в спор вступать не боялся – его побаивались, но уважали. Отец сетовал, что такому журналисту не место в провинции, что там его талант заострится, глаз замылится, размаху-то нет!

– Уговорю его перебраться в столицу! – объявил отец за ужином. – Уговорю и помогу. Ненавижу составлять протекции, но для Вадима сделаю, и с большим удовольствием!

- Только осталось - уговорить твоего Вадима, - рассмеялась мама. - Что ты знаешь про его тамошнюю жизнь? Может, там у него женщина и большая любовь?

Отец вздохнул:

- По этой части он великий специалист. Что правда, то правда...

Яворский пришел к ним и на следующий день - на этом настоял отец. Теперь мужчины сидели в отцовском кабинете и вели долгие беседы.

Встретились за ужином, и отец попросил Нюту устроить другу «московские каникулы». Яворский был ленинградцем и столицу знал плохо. На завтра был составлен план.

Разумеется, театры - новомодный «Современник», Художественный, Большой и Малый. Ну, если успеем, еще и Вахтанговский - попасть на «Турандот» с Борисовой считалось большой удачей. С билетами обещал помочь отец. Далее - Парк культуры, гордость москвичей, Сокольники, Пушкинский и, конечно, Третьяковка.

Отец, большой любитель планирования, расписал все на листе бумаги. Яворский посмеивался, качал головой и сетовал, что бедная Нюта должна потратить столько времени на «хромого старика».

От этих слов Нюта совсем смутилась, покраснела и стала, не поднимая глаз, убеждать гостя, что это - большая честь для нее и еще - удовольствие.

Встретились назавтра у парка Горького. Вечером был запланирован Малый, а днем - прогулка, поедание пирожков и мороженого, катание на лодочке в парковом пруду.

Погода была отменная - середина мая, тепло, но не жарко, солнце светило нежно, и слабый и теплый ветерок шевелил молодую, совсем свежую и клейкую листву.

Они прокатились на колесе обозрения, откуда был виден Кремль и центр Москвы, поели знаменитого московского эскимо и пирожков с повидлом, посидели на лавочке, подставляя лицо солнцу, и двинулись к метро. Времени было навалом, и она повезла его на Маяковку, площадь Революции и Новослободскую - самые красивые, по мнению москвичей, станции метро.

В Малом смотрели Островского - «Волки и овцы», состав был прекрасный - Быстрицкая, Гоголева, Рыжов, Телегин.

Вышли из театра - вечер был теплым и чудесным. Решили пройтись по Горького.

Яворский, несмотря на больную ногу и трость, шел быстро, но Нюта видела, что ему тяжело, и нарочно замедляла шаг. Потом отдохали в скверике у Юрия Долгорукого, и вдруг Яворский стукнул себя по коленке и улыбнулся.

- Приглашаю прекрасную даму на ужин! - безапелляционно заявил он, кивнув на светящуюся вывеску ресторана «Арагви».

Нюта растерялась, смутилась и принялась отказываться. А он все настаивал и уговаривал, объясняя, что это - всего лишь ужин, и он страшно голоден, да и она, несомненно, тоже.

Подшли к телефонной будке, и он долго объяснялся с отцом. Нюта поняла, что отец

недоволен, но Яворский разговор уже закончил со словами: «Доставлю на такси и до самой двери!»

За тяжелой стеклянной, с бронзовыми ручками, дверью стоял строгий швейцар огромного роста с окладистой бородой, в галунах, похожий на генерала.

Он недовольно открыл дверь и оглядел непрошенных гостей. Нюта покраснела и отошла на шаг в сторону. Яворский что-то шепнул «генералу» на ухо, и тот, оглядев Нюту, важно кивнул и открыл тяжелую дверь.

Они поднялись по мраморной лестнице, устланной красной ковровой дорожкой, и юркий официант с поклоном усадил их за стол.

Нюта оглянулась – за столами сидели роскошно одетые женщины и важные мужчины. Таких юных дев, как она, не было и в помине. Она совсем расстроилась и окончательно смутилась. Ей казалось, что все смотрят на нее с усмешкой: плохо одетая девушка с пожилым мужчиной – что за пара? Дочь? Жена? Любовница? И как объяснить, что она – дочь фронтового друга, и только?

Заказ делал Яворский – она отказалась, сославшись на незнание грузинских блюд. Он улыбнулся и «принял огонь на себя».

Официант открыл бутылку красного грузинского вина – терпкого, сладковатого и очень вкусного. Потом принесли острый суп харчо и тарелку с соленьями – она впервые попробовала плотные и острые стебли черемши и красную гурийскую капусту.

На горячее был шашлык по-карски, и это тоже было так вкусно, что она не могла остановиться и снова смущалась – теперь своего аппетита.

Яворский ел мало, сдержанно, смотрел на Нюту с улыбкой и говорил, что хороший аппетит – признак молодости и душевного здоровья.

После ужина пили несладкий кофе, Нюте было горько, но Яворский учил ее пробовать его горечь на язык и ощущать, распознавать вкус и от этой горчинки получать удовольствие.

Он расспрашивал ее про учебу, интересовался ее увлечениями, а она снова терялась, и ей казалось, что увлечения ее бедны и скромны, а его вопросы лишь дань вежливости – ну какой ему интерес знать про увлечения какой-то соплюшки?

После второго бокала вина ей стало казаться, что вокруг все прекрасно, что дамы и их кавалеры вовсе не осуждают ее, а смотрят на нее доброжелательно, а то и вообще никому до нее нет дела. Еще ей показалось, что она держит приборы изящно, ест красиво, с расстановкой и умело держит бокал с вином. Она откинулась на спинку стула, совсем расслабилась и кокетливо заправляла за ухо все выбивающийся локон.

Когда они вышли на улицу, она увидела – словно впервые, – как прекрасен ее город. Как хорошо освещена улица, каким теплым светом светятся окна домов, как красивы и нежны друг с другом проходящие пары влюбленных.

Нюта, удивившись своей смелости, взяла Яворского под руку, и они пошли вверх по Горького, к Маяковке. И ей показалось, что она – совсем взрослая, совсем женщина. Которая может очаровывать, управлять, повелевать, приказывать и восхищать мужчину.

И это было оттого, что рядом с ней был именно мужчина. Она чувствовала это так отчетливо и так сильно, что сердце ее сладко билось, а тревога и смущение совсем ушли. Остались только гордость и уверенность – за себя и за него.

Они шли неспешно, как вдруг поднялся сильный пронизывающий ветер и начался дождь.

Он накинул ей на плечи пиджак, и они заторопились к метро, чтобы спрятаться от непогоды.

На площади Маяковского она глянула на уличные часы и испугалась – было полпервого ночи, и она заспешила домой, бормоча, что ей крепко влетит от родителей. Яворский тут же поймал такси, и через пятнадцать минут они остановились у Нютино дома. Он вышел вслед за ней и объявил, что пойдет объясняться и, собственно, извиняться.

Она запротестовала – ей было неловко и даже стыдно, наскоро простилась и заскочила в подъезд. Лифт не работал, и она взлетела на пятый этаж и, не отдышавшись, коротко позвонила в дверь. Мать открыла тут же, словно стояла под дверью, хотя, наверное, так и было. Она тревожно оглядела дочь и покачала головой. Из своей комнаты выглянул хмурый и недовольный отец, оглядел ее сурово с головы до ног и коротко бросил:

- Нагулялась?

Она быстро закивала, что-то забормотала в свое оправдание, затараторила про спектакль, но отец оборвал ее и жестко бросил:

- Иди! В душ – срочно, ну а потом... Отдыхай. – И со вздохом добавил: – От трудов праведных...

После душа она тут же юркнула в постель, накрылась до самых глаз одеялом и почувствовала, как сильно дрожит.

Вошла мать, села на край кровати, погладила ее по голове и, тяжело вздохнув, сказала:

- Не придумывай ничего, Нюта! Совсем не тот случай.

Она горячо запротестовала, сделала обиженные глаза, отвернулась к стене, захлюпала носом, и мать вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

А она, дрожа как осиновый лист, только сейчас осознала весь ужас и всю катастрофу происходящего – случай был, несомненно, не тот, но она уже влюбилась – окончательно и бесповоротно. Отчетливо понимая, что остановить себя, запретить себе уже не сможет. Ни за что и никогда.

И ей стало так страшно, что она заплакала – так горячо, так горько и безнадежно, как могут плакать только молодые влюбленные женщины. Влюбленные в первый раз – без всяких надежд на взаимность...

Утром она объявила, что заболела, и мать, встревожившись, сунула ей градусник. Температура оказалась под сорок, и мать вызвала врача.

Нюта лежала под двумя одеялами, ей было по-прежнему холодно, и сильно была мелкая дрожь. Врач посмотрел горло, послушал легкие и вынес вердикт:

- Девушка горит, скорее всего, пневмония. Ну, что ж – антибиотики, кислое питье, малина и мед – все как обычно. И будем надеяться, что осложнений не будет – на улице май, тепло,

словно летом. Да! Обязательно свежий воздух! Открывайте окно.

К вечеру температура упала, и она захотела есть. А ночью ей не спалось – была такая слабость, что руки не держали книжку, а лежать с закрытыми глазами и снова думать обо всем этом просто не было сил. И еще было страшно!

Она слышала, как отец разговаривал с Яворским, как тот справлялся о ее здоровье, переживал, что «простудил ее ночью», отец разговаривал с ним коротко и сухо, и она снова переживала, что лишила отца радости общения со старым другом – отец больше не приглашал его зайти и прекратил разговоры по поводу переезда друга в Москву.

Она все время спала – температура то подскакивала, то снова падала, а сил по-прежнему не было. В пятницу родители засобирались на дачу – она была этому рада, хотелось остаться одной и не видеть все осуждающий взгляд отца и жалостливый матери.

Она помахала им из окна и снова забралась в постель. Почти задремала, и сквозь пелену сна услышала телефонный звонок. Она соскочила с кровати, запуталась в одеяле, упала, разбила коленку и все же успела добежать и схватить телефонную трубку.

У нее перехватило дыхание, когда она услышала его глуховатый и хриплый голос.

– Милая Нюта, – он смущенно кашлянул, – вот, звоню попрощаться! И еще – извиниться... ну, что так вышло... – Он растерянно замолчал, а потом продолжил: – Старый дурак! Простудил девочку, а самому – хоть бы хны.

Нюта тоже молчала, сердце билось как сумасшедшее, и слова застревали в горле. Еле пискнула:

– Да в чем вы виноваты? Какая глупость! И думать забудьте!

Он перебивал ее, а она его, и разговор получился дурацкий, суетливый, скомканный и нелепый.

Наконец он сказал, что во всех театрах «отметился», жаль, что без нее, без такой прекрасной спутницы, но Москву все же успел посмотреть, и снова жаль, что без «такого чудесного гида».

Она заторопилась ответить, что уже совсем здорова, совсем и готова – вот прямо сейчас, через полчаса – встретиться с ним и продолжить «программу».

Он вздохнул и сказал, что звонит, собственно, попрощаться – поезд через пару часов, отпуск кончился, и, увы, – зовут дела и работа.

Она замолчала, окаменела и только смогла вымолвить жалкое:

– Так, значит, мы не увидимся больше?

Он рассмеялся.

– Зачем же так обреченно? Ну, кто же знает, как сложится жизнь...

Застывшими губами она еле проговорила, что приедет на вокзал и «какой поезд, ну, номер, скажите...».

Он запротестовал так категорично, что возражать не было смысла.

- И еще раз - огромный привет родителям! И снова - мои извинения. За все беспокойства.

Она положила трубку и медленно опустилась на стул. Очнулась, только когда громко пропели часы с боем, стоящие в отцовском кабинете. Коленка саднила и щипала. Она намазала ее йодом и подумала, что сердечную рану ничем не замажешь.

Весь день она провалялась в постели и чувствовала такую боль в груди, будто в сердце у нее огромная дыра.

Родители звонили со станции и порывались вернуться.

Ах, ну какие глупости! Она со всем справляется. Слава богу, отговорила.

Приехали они через три дня, и Нюта сделала вид, что весела и довольна. «Вид» этот был, прямо скажем, разыгран отнюдь не профессионально - мама все заглядывала ей в глаза, смотрела с тревогой и о чем-то шушукалась с отцом.

Однажды за ужином отец коротко, как бы между делом, бросил:

- А *этот*... не объявлялся?

- Кто? - хрипло переспросила Нюта.

- Дружок мой... Ответственный, - недобро усмехнулся отец.

Нюта пожала плечами.

- А... Этот... в смысле - Яворский?

- В смысле, - кивнул отец.

- Да звонил - попрощаться, - небрежно бросила она и опустила глаза.

На том разговор и закончился.

Наконец переехали на дачу - совсем. Летний сезон был объявлен открытым. Июнь был холодным, серым и очень дождливым. Все время топили печь, а все равно в доме пахло сыростью. Отец, как всегда, работал в мансарде, мать хлопотала по дому, замирала у окна, тяжело вздыхала и сетовала, что пропадут цветы и их нехитрый огород - редиска, укроп и зеленый лук.

Дожди лили всю ночь, и только к обеду чуть просветлялось небо, проглядывало смущенное солнце, а с ним и надежда. Но к вечеру небо опять темнело, поднимался ветер, и, сначала осторожно, словно предупреждая, а потом набирая силу, начинался монотонный, занудный дождь.

Нюта лежала в своей комнате и листала старые журналы, любовно хранимые отцом на чердаке.

Но не читалось и не спалось. Так, чуть дремалось. И в этой тревожной и мутной дреме перед глазами стоял тот вечер, когда они шли к Маяковке и он накинул ей на плечи свой серый пиджак. Она помнила запах, который шел от пиджака, - запах табака и «Шипра». И еще -

запах взрослого и сильного мужчины. Она вспоминала его лицо – так тщательно, так скрупулезно, – голубые глаза, густые темные брови, сходящиеся на переносице. Упрямый и жесткий рот, резкие складки от носа к подбородку. Пальцы – тонкие, сильные, с желтыми следами от папирос. Волосы, которые он резко отбрасывал назад. Она пыталась вспомнить их разговор в ресторане, но помнила плохо, словно в тумане, и корила себя за то, что пила вино. Сквозь пелену некрепкого сна ей словно слышался его смех – отрывистый, хриплый, глухой.

Закрыв глаза, она слушала, как дождь барабанит по жестяной крыше, и это ее успокаивало.

Она спускалась к обеду и ела плохо и мало, коротко отвечая на вопросы матери и не выдерживая странного и испуганного взгляда отца. Так она пролежала июнь, а июль ворвался резкой и сильной жарой, словно оправдываясь за младшего брата.

Под окном густо расцвел жасмин, и к вечеру его сильный и сладкий запах разливался по всему участку и заползал в открытые настежь окна. Ночью было душно и снова не было сна. Она садилась к окну и смотрела на черное звездное небо почти до рассвета. И однажды пришла в голову мысль, что она – Наташа Ростова, ей стало весело, и чуть отпустило.

Наконец она заскучала, позвонила со станции Зине и пригласила ее пожить. Та слегка поломалась, покапризничала и, разумеется, согласилась.

На следующий день Нюта встречала ее на станции.

Они шли к дому, и Зина рассказывала ей, что влюбилась в друга своего старшего брата Германа. Предмет ее страсти «необыкновенный, перспективный, и вся кафедра считает, что Половинкин гений и у него огромное будущее».

Глаза у Зины горели, и Нюта не без радости заметила, что подруга здорово похорошела.

- Значит, будешь Половинкиной, – рассмеялась она.

Зина вздохнула и ответила, что это еще как сказать. Гений Половинкин на женщин не смотрит, а думает только о квантовой физике.

- Ну, значит, «взять» его будет совсем не-сложно, – заверила Нюта. – Прояви смекалку, и Половинкин твой. Раз нет конкуренции – за тобой пироги, театры и, разумеется, восхищение.

- Откуда такие познания? – удивилась подруга.

Но, похоже, к сведению приняла – стала интересоваться у Людмилы Васильевны, как ставить тесто на пироги.

- Слушай! – вдруг осенило Зину. – А давай-ка махнем на море! Возьмем с собой Герку и Половинкина. И – вперед! В Туапсе или в Сочи.

Нюта растерялась, но через пару минут сказала:

- А что, махнем! Море – это всегда прекрасно.

Оставалось уговорить родителей. Зине было проще – она ехала, точнее собиралась ехать, с братом. А вот Нюте еще предстояли баталии.

Решили на воскресенье позвать друзей на шашлыки. Пусть родители познакомятся, посмотрят на кавалеров и успокоятся.

К двенадцати пошли по дороге на станцию встречать гостей. Встретили на полпути – два худых и сутулых очкарика в клетчатых ковбойках и сандалиях, словно близнецы-братья, шли им навстречу, таща в руках авоськи с мясом и бутылками сухого вина.

От такого сходства друзей Ньюта еле сдержала смех: физики, умники, будущие гении – что поделаешь? И все же смешно – как под копирку! У них что, на физмате все такие?

Зина зарделась, засмушалась и затараторила какую-то ерунду. «Гений» Половинкин радостно оглядывал окрестности, срывая по пути то ромашку, то колокольчик, и подносил к острому носу.

- Полевые цветы не пахнут, – авторитетно заметила Ньюта.

Половинкин настаивал, что запах есть – почти неуловимый, луговой и свежий. Понюхали по очереди, и Зина яростно принялась утверждать, что да, есть, конечно же, есть. Да еще какой! «Просто у тебя, Ньюта, с обонянием неважно».

Ну, неважно так неважно – какая разница. Половинкин с Зиной пошли вперед, а Ньюта осталась с Германом. Шли и молчали – было слегка неловко, но говорить было не о чем. В конце концов, беседу должен поддерживать мужчина, решила она.

Родители встретили друзей благосклонно, и отец помогал разжигать костер для шашлыков.

Стол накрыли на улице, возле жасмина. Дым от костра разогнал назойливых комаров. Герман взял отцовскую гитару, долго настраивал и наконец запел. Это были бардовские песни – Визбора, Городницкого, Окуджавы.

Пел он негромко, но голосом приятным и с чувством. Эти песни настроили всех на сердечный и теплый лад, и стало светлей на душе, и появилось предвкушение какого-то призрачного и непонятного счастья и неизвестных, но обязательных перемен.

Потом долго гуляли по улицам, болтали о жизни и обсуждали поездку на море.

Герман рассказывал ей, как ходил в байдарочные походы по Енисею и Лене. Как ездил с экспедицией в Якутию и чуть не погиб в болоте – спас олень, за которого он зацепился и выжил, а олень погиб, и он будет всю жизнь помнить его глаза, полные ужаса и тоски.

Она слушала его с интересом – рассказчик он был отличный, но интерес был сугубо человеческий, как мужчину она его не воспринимала совсем – так, брат подруги и, возможно, скорый попутчик.

Через неделю они сидели в плацкартном вагоне поезда Москва – Туапсе и с любопытством разглядывали пейзаж за окном.

Сняли две комнатки у хозяйки – не комнатки, скорее халупки, шалаши из картона, как назвал их Герман. Но их, молодых и совсем неприхотливых, это не расстроило, а, наоборот, развеселило.

Зина старалась на кухне, но девчонки были объявлены неумехами, и они решили питаться в столовых – не шик, конечно, но все же... «Риск отравления такой же, а хлопот меньше», – остроумно заключил Герман. А в столовых были очереди. Да еще какие! Решили – мужчины с пляжа уходят раньше и занимают очередь. День – Половинкин, день – Герман. А спустя час

присоединяются девушки.

Зина меняла наряды и гордилась модным купальником. Старалась изо всех сил. Половинкин в море заходил редко и неохотно, долго стоял по щиколотку в воде, ежился, смешно морщил нос и все не решался зайти поглубже.

Нюта смотрела на него и никак не могла понять, чем привлек ее подругу этот смешной человек.

Герман был тоже из зануд и «очкариков», но по крайней мере у него присутствовал юмор, гитара и организаторские способности.

Вечерами Зина и Половинкин уходили «пройтиться». Нюта читала у себя в конурке под светом тусклой хозяйской лампочки. Герман сидел во дворе и штудировал научные книги.

И никакого дела друг до друга им не было – это было так очевидно, что никто из них не старался произвести хоть какое-то впечатление на другого.

Ночью Зина жарко шептала, что Половинкин «почти готов», дело продвигается, и они уже целовались.

- После этого он обязан жениться, – смеялась Нюта, – а твое дело его в этом убедить!

Каникулы пролетели быстро, и вот они снова в поезде, а поезд идет в Москву. Нюта смотрела в окно и думала о том, как бесполезно пролетает ее жизнь – вот так же, как придорожные полустанки, как села с пышными палисадниками, как бабы, стоящие вдоль полотна и машущие проходящему поезду.

Она опять загрустила и поняла, что любовь никуда из сердца не делась, и никуда не делась печаль, и боль осталась – такая же щемящая, все еще сильная...

Она легла на полку, отвернулась к стене и заплакала.

Зина и Половинкин, обнявшись, стояли в коридоре и о чем-то шептались.

А Герман подошел к Нюте и погладил ее по волосам.

- Все будет хорошо, – шепнул он, – я тебе обещаю.

А она – от этого внимания, понимания и человеческой, внимательной нежности – расплакалась пуще прежнего.

Он вышел в коридор и прикрыл за собой дверь купе. Она была ему за это благодарна и подумала, что он хороший человек и прекрасный друг.

Встреча с родителями и запах маминых пирогов и родного дома – в эту минуту она ощутила такую радость и такое счастье, что долго не могла наговориться и все целовала мать и обнимала отца.

Вечером к ней зашла мать и, погладив ее по голове, тихо спросила:

- Ну, что? Отпустило?

Она дернулась под ее рукой и резко и сухо спросила:

- Что именно? Что ты имеешь в виду?

Мать растерялась и смущенно пролепетала:

- То, что тебя мучило...

- А человека всегда что-то мучает! - дерзко и с вызовом ответила Нюта. - Например, совесть. Или обида. Или чувство вины!

- Ну, тебе как-то... Еще рановато... - вздохнула мать. - Особенно про вину и обиду...

Нюта не ответила и отвернулась к стене. Мать вышла из комнаты и тихо прикрыла за собой дверь.

И опять нахлынула такая тоска, снова затопила сердце, окатила горячей волной, сдавила горло.

Ни на один день она не переставала думать о нем. Только с каждым днем его лицо становилось все более расплывчатым, словно немного размытым, нечетким, как детская переводная картинка.

И голос его она почти забыла - вернее, помнила так отдаленно, так приглушенно, словно издалека. А запах табака и «Шипра» остался ярким, почти назойливым. И она тут же улавливала его у прохожих мужчин и останавливалась, оборачивалась им вслед.

Свадьбу Зины и Половинкина назначили на осень последнего курса. Зина шила белое платье и украшала фату атласной лентой и цветами. Сняли зал в ресторане «Будапешт», и Нюта с подружкой ездили уточнять меню - горячее и закуски.

Свидетельницей со стороны невесты была, естественно, Нюта. А со стороны жениха, так же естественно, Герман. «И друг, и брат, - как остроумно заметил он, - двойная ответственность!»

Народу было довольно много - у Зины и Германа оказалось так много родни, московской и приезжей, что разместить эту родню оказалось большой проблемой.

Герман отдал свою комнату. «На растерзание», - прокомментировал он. А Нюта предложила подружке свою - родители все равно на даче, и я поеду туда, - с большим удовольствием, кстати!

Свидетели сидели по бокам от жениха и невесты, и Герман на правах близкого друга и «сортника по несчастью» ухаживал за Нютой, подливая ей вина и подкладывая салаты.

Нюта отдала Зине ключи от квартиры и собралась на вокзал. Герман вызвался ее проводить.

Подошла электричка, и он вдруг вскочил в поезд и в ответ на ее растерянный и недоуменный взгляд, отдышавшись, объяснил: время не раннее, дорога от станции долгая, ну как не проводить хорошую девушку и лучшую подружку сестры Половинкиной, увы, уже так, Зинаиды!

Он рассмеялась, и ей почему-то стала приятна его неожиданная выходка.

В поезде они молчали, Нюта дремала, прислонившись к прохладному окну. Он разбудил ее на нужной станции, и они вышли на перрон. Октябрьский поздний вечер был прохладен и влажен. Особенно это чувствовалось за городом. Он накинул ей на плечи пиджак, и она вдруг вздрогнула, сжалась и быстро пошла вперед.

Они быстро дошли до калитки, она остановилась и посмотрела ему в глаза. Отчего-то им стало неловко, и ей захотелось скорее проститься, и это тоже было неловко, потому что он замерз, и следовало, конечно, пригласить его в дом и предложить чаю.

Она вздохнула и пригласила. Ей показалось, что он обрадовался, и они пошли к дому, где на крыльце стоял отец, вглядываясь в темноту ночи.

Долго пили чай с вареньем, и Герман разговаривал о чем-то с отцом, а она на кухне шепталась с мамой, сплетничая о свадьбе.

Германа оставили ночевать, и Нюта пошла в мансарду отнести ему подушки и одеяло. Он поднялся следом, и они столкнулись у лестницы лицом к лицу. Она хотела обойти его и пойти вниз, а он взял ее за плечи и, посмотрев в глаза, тихо сказал:

- А не хотели бы вы, мадемуазель, повторить нынешний праздник? И снова гульнуть под марш Мендельсона?

Она дернулась, выпросталась из его рук и ответила:

- Не нагулялся?

Он мотнул головой.

- Праздник никогда не бывает лишним!

Она вздохнула и с усмешкой посмотрела ему в лицо.

- А ты... влюблен в меня, что ли?

Он, не раздумывая, кивнул.

- За невнимательность - два! - И с горечью добавил: - Сам виноват, если девушка не заметила...

- А я? - спросила она. - Или это уже не важно?

- Важно то, что я буду тебе хорошим мужем, - серьезно ответил он. - И еще... Я постараюсь, ну, чтобы ты... оценила. Готов тебя нежить и холить. Боюсь, что не оценить этого у тебя не получится.

- А про любовь - это не главное, верно? - саркастически поинтересовалась она.

- Главное, - уверенно кивнул он, - и ты меня полюбишь. Честное слово! - И так же уверенно добавил: - Я же сказал - все будет! Вот еще вспомнишь мои слова!

- Девушке дают время подумать. Три дня не прошу - до утра! - шутливо отозвалась она.

Герман улыбнулся, кивнул и поклонился шутовским поклоном, пропуская ее вперед.

- Приятных снов! - крикнул он вслед. - А мне уже не заснуть - буду с опаской ждать утра!

Нюта ничего не ответила. Зайдя в свою комнату, она плотно закрыла дверь, легла на кровать и закрыла глаза.

Он совсем неплох, этот Герман... Умен, остроумен, надежен, тактичен. Не нагл и не настойчив – для мужчины сплошные достоинства. Зинина семья стала давно родной, и он, Герман, нравится ее родителям – она это видит.

Яворский... Ее любовь. Где он, этот немолодой человек? На далеком Севере. В своей жизни, наверняка не одинокой. Такие, как он, одинокими вряд ли бывают. Да и ее любовь... Детская выдумка, первая влюбленность... А разве она бывает счастливой? По всем книжкам выходило, что нет... Журавль в небе или синица в руке. Выдумка и реальность. Москва и Мурманск. Непреодолимая разница в возрасте. Мать и отец. И ей двадцать два. И надо рожать детей...

Ей стало стыдно от таких мыслей, от такой убийственной логики. И тут же захлестнула обида – он не позвонил ни разу! Просто так, по-дружески. Не позвонил узнать, как у нее дела. Как поживает его старый друг, принявший его с открытым сердцем. Ну и черт с ним!

Хватит иллюзий и хватит фантазий! Жизнь – это суровая реальность и сплошной компромисс, как говорит мама.

Вот и я буду жить в реальности и искать компромисс. В первую очередь – с собой. А это, между прочим, самое трудное...

Свадьбу сыграли по-скромному, куда там до половинкинской пышности! Собрали на даче родню Спешиловых, а ее оказалось совсем немного, друзей отца, подруг матери, естественно, семейство Половинкиных и родителей Германа и Зины.

Нюта была в голубом, до колен, платье и никаких «фат», шляп с цветами и капюшонов, входивших тогда в моду. Только приколола на вырез платья букетик ландышей.

Стол накрыли на летней веранде, и молодежь жарила на костре мясо, облегчая хозяйке жизнь.

Зина поймала Нюту на лестнице и внимательно, с недобрым прищуром, посмотрела ей в глаза.

– Знаешь... – словно раздумывая, начала она, – я ведь все вижу!

Нюта сделала круглые глаза.

– Ты о чем, Зин?

– Да все ты понимаешь, – махнула рукой Зина, – не любишь ты Герку, вот я о чем. Точно знаю – не любишь! И в глазах у тебя такие волны – просто черные волны. А замуж идешь, потому что пора. Да и вариант неплохой. Да и меня, такую «красавицу», уже взяли. А уж тебя! А на горизонте ведь никого – вот в чем беда.

Нюта отвела взгляд и молчала.

– Молчишь, – кивнула Зина, – и правильно. Ты ж у нас честная, врать не любишь. Ну, в общем, я тебе все сказала – в смысле, что я, собственно, в курсе. А там – его дело. Большой мальчик, советов не слушает... Ну а как у тебя с совестью... Так это твои проблемы.

Зина развернулась и пошла прочь. А Нюта долго стояла, прислонившись к дверному косяку, – словно в ступоре, в забытии... И очнулась только тогда, когда услышала звонкий голос мамы.

Жить стали у Нюты – родители утеплили дом и решили зимовать на даче. Порыв был ясен –

не мешать молодым строить семью.

Нюта писала диплом, а Герман уже работал. Попал он в ФИАН, что было почетно и перспективно.

Денег, конечно, совсем не хватало, но родители в беде не бросили – ежемесячно подкидывали. Так что нужды они не терпели, да и просто жили как короли – отдельная квартира, центр, театры...

Жили тихо, не скандаля и не ругаясь – даже по мелочам. У Германа был спокойный и уступчивый нрав, к тому же многого он не требовал. Приходил с работы и варил себе пельмени из пачки. Не было пельменей – годились и макарон, а если еще сверху сыром – вообще красота!

Нюта занималась у себя, а он, поужинав, уходил в кабинет отца и слушал там радио, смотрел футбол или читал журналы. Даже вечерний чай, за которым проходили всегда разговоры о семейных и рабочих делах, они пили не вместе. Иногда сталкивались на кухне.

- Чайку? – вежливо спрашивал муж.

И она отвечала:

- Спасибо, не беспокойся! Занимайся своими делами.

Герман кивал, чмокал ее в щеку и говорил, что заварка свежая – только вот заварил.

Нюта оставалась одна на кухне, гасила верхний свет, включала настенный светильник, освещавший стол мягким розовым теплым светом, и смотрела в окно, радуясь своему одиночеству. Пыталась представить лицо Яворского, но оно снова было нечетким, расплывчатым, словно в дымке, а она все силилась представить его четче и ярче, получалось плохо, и это расстраивало и печалило ее.

Однажды прочла у классика: «Жить без любви – аморально». Значит, она не просто живет плохо и жалко – она живет аморально. Эта фраза так потрясла ее, что она стала подумывать о разводе.

Их интимная жизнь с мужем была так скучна, так обыденна и неинтересна, что она, книжная девочка, искренне недоумевала, почему столько поломано копьев, столько жара, пыла и столько нелепых и страшных поступков совершается во имя любви.

«Жизнь наша соседская, – со вздохом сказал однажды Герман и со смехом добавил: – Правда, соседка ты отменная! Так что будем считать, что мне повезло».

Через восемь месяцев «соседского» существования, когда Нюта была уже готова объявить, что хочет разъехаться и плевать на родителей, Зину, общественное мнение и статус разведенной женщины, она обнаружила, что забеременела.

Все вопросы разом отпали – ребенок важнее страстей и собственной неудовлетворенности. Ребенок важнее всего.

Муж отреагировал на эту новость доброжелательно и спокойно и со свойственным ему едким юмором грустно добавил:

- Ну, значит, еще один шанс! И раз он дается, значит, так правильно.

Она усмехнулась – странно слышать от физика про «дается» и «шанс».

Все лето она провела на даче – счастливые мать и отец кружили над ней, точно пчелы над медом. Смородина мятая с сахаром, клубника со сливками, домашний творог и молоко, которое приносила коровница из деревни, яйца из-под курицы, прогулки с мамой – ежевечерне и обязательно.

Она много спала, была словно в каком-то тумане и плохо понимала, что будет с ней дальше.

Герман приезжал в пятницу, привозил подтаявшее мороженое и булочки с маком, без которых она почему-то не могла жить.

Герман был ласков и обходителен, внимателен и услужлив, и мама все не могла нарадоваться, как повезло дочери и, соответственно, им.

Грусть и заторможенность дочери, ее слезы и равнодушие к мужу Людмила Васильевна списывала на ее положение – какие только не бывают у беременных причуды! Вот у нее, например... И она пыталась вспомнить себя, но ничего такого не находила и уговаривала себя, что просто подводит память.

Перед самыми родами Герман перевез Нюту в Москву, и Людмилу Васильевну, разумеется, тоже. Воды отошли дома, ночью, и «Скорая» увезла ее в Грауэрмана, на Арбат. У роддома была отличная репутация.

Роды были тяжелыми, затяжными, и Нюта все время плакала, беспокоясь за ребенка, и все спрашивала хмурую акушерку, а не задохнется ли он и не грозит ли ему обвитие пуповиной?

Акушерка ворчала, что все нынче «шибко умные», и кричала на нее, чтобы тужилась не «лицом», а «нижним этажом».

Наконец на свет извлекли младенца, девочку, весьма крупную, с бордовым личиком, искривленным гримасой страданий.

- Вот только на свет появляются, а уже мучаются, – тяжело вздохнула акушерка. – И зачем нам такая жизнь?

Нюта хватала ее за руку и все спрашивала, все ли в порядке с дочкой.

Ночью после родов она спала так крепко, что, проснувшись, удивилась, что лежит в больничной палате, что все закончилось, и там, по коридору направо, в детской, лежит ее дочка, с которой им предстоит сегодня первое свидание.

Она медленно дошла до умывальника, причесалась, умылась и в тревожном ожидании села на кровать – в коридоре уже слышалось хлопанье дверей и истошные крики младенцев.

Сестра завезла длинную каталку, где бочком, прислонившись друг к другу, словно запеленатые тугие колбаски, рядком лежали младенцы.

Ей «выдали» дочь. Восторг, страх, нежность и любовь, которая мгновенно, молниеносно, обжигающей волной затопила сердце, были такими яркими, такими неожиданно сильными, пробирающими до самых костей, до озноба, до ужаса, испугали ее, и она замерла, глядя

на этот комок в серой пеленке и байковом желтом казенном чепчике.

«Комок» вдруг смешно скривил мордочку, стал вертеть головой и причмокивать губами.

- Корми, что застыла! - рассмеялась медсестра. - Еще налюбуйся!

Девочка никак не могла поймать губами тугой сосок, мотала головой и, словно обидевшись, вдруг уснула.

Нюта совсем растерялась и от страха расплакалась. Соседка, рожавшая третьего, объяснила:

- Буди! Тереби за щечку, щипли. И сунь ей насильно. А потом рассосет, куда денется! Жрать захочет и рассосет!

«Ничего не умею, - с горечью думала Нюта. - Не жена и не мать. Сплошное недоразумение...»

Но назавтра все наладилось, она перестала бояться встречи с дочкой и стала уже скучать и считать время до следующего кормления.

Соседка уговаривала ее поспать.

- Дома-то не придется, вспомнишь меня! А здесь - дрыхни от вольного! Скоро конец твоих снов и безделья.

Встречали большой компанией - Половинкины, свекровь со свекром. И конечно, родители. В такси сели мать с младенцем, бабушка и дедушка. Молодежь отправилась на метро.

Дома все было разложено, постирано и приготовлено - разумеется, мамиными руками. Накрыт праздничный стол - пироги, холодец, салаты, жаркое.

Нюта почувствовала, как голодна, и, не дожидаясь гостей, отламывала то кусок пирога, то ломоть буженины, то хватала соленый помидор.

Дочка спала в своей кроватке. Наконец все собрались и уселись за стол. Нюта сидела и клевала носом, и мудрая мама отправила ее спать. Сквозь сон она слышала всплески смеха, какие-то споры и громкие тосты. Она то проваливалась в сон, то вздрагивала и тревожно просыпалась и прислушивалась - не плачет ли дочь.

Наконец дочка расхныкалась, и она стала ее кормить. Краем уха она слышала, что мать выпроваживает гостей, ссылаясь на ситуацию:

- Отметили, и будет! Вам по домам дрыхнуть, а нам - один бог знает!

Гости еще пошумели в прихожей, наконец хлопнула входная дверь и все разошлись. Нюта вышла из комнаты и стала помогать матери убирать со стола.

- А где Гера? - спросила она.

Мать, не поднимая глаз, махнула рукой.

- Да спит! У отца в кабинете.

И быстро понесла посуду на кухню.

- Как спит? - удивилась Нюта. - Лег спать и не зашел к нам?

Мать ожесточенно чистила сковородку.

- Да выпил крепко. От радости. С кем не бывает! Привыкнуть к роли отца - дело нелегкое. - И, повернувшись к дочери, мягко сказала: - Не дуйся, они мужики... Племя дикое. Дикое и слабое. Как ни крути...

Нюта приоткрыла дверь в кабинет отца - муженек дрых как младенец. Как говорится, без задних ног. Довольно и сладко похрапывая и причмокивая губами.

Обида захлестнула сердце - ведь он даже дочку не видел! Пять минут у роддома, закутанную до глаз. И дома - сразу за стол. Наелся, напился - и дрыхнуть! Даже не зашел, не заглянул в комнату. Ему что, не интересно? И зачем тогда все это? Эта ложь, притворство, нелепая и странная игра - игра в семью, в любовников, в родителей!

Нюта ушла к себе и взяла спящую девочку на руки.

- Ты - моя! - шептала она. - Только моя. И никому я тебя не отдам!

А скоро стало не до обид - заботы навалились такой горой, что не хватало ни времени, ни сил справляться.

Мама рвалась между дачей, отцом и дочерью с внучкой. Моталась по электричкам, пытаюсь всем угодить, готовить обед, прибраться и там, и там. Нюта уговаривала ее не приезжать, но мать настаивала на своем: «Тебе нужно питание, ты - кормящая мать. А времени на все у тебя не хватает!»

И правда - дочка была беспокойной, спала плохо, и в редкие часы ее прерывистого, некрепкого сна нужно было прокипятить белье, прогладить пеленки, приготовить обед и хоть как-то прибраться в квартире. А еще надо было выйти во двор и погулять с девочкой.

Нюта валилась с ног. Герман приходил поздно, ссылаясь на собрания, день рождения сотрудника и прочую ерунду.

Он долго ужинал на кухне, пролистывая свежие газеты, потом долго пил чай и, когда Нюта и мама уже выносили после купания Лидочку из ванной, вяло позевывая, спрашивал, не нужна ли его помощь.

Нюта не отвечала и проходила мимо. Мама вздыхала и тоже ничего не говорила. А Герман, муж и отец, шаркая тапочками, шел к себе, и скоро из кабинета слышались приглушенные звуки телевизора или приемника.

Приезжала Зина, тетешкалась с племянницей, а однажды грустно сказала:

- А у нас - все никак... Никак не получается. Половинкин все в думках, разговариваем только о его работе, кропает свои труды и ждет свою Нобелевку - не меньше. Вижу его по утрам - подаю завтрак. Приходит в ночи, я уже сплю, ужин на столе под салфеткой. Я все понимаю - он гений, и с ними непросто. Но... я же живая! И в театр хочу, и гостей. А ему... Ничего, понимаешь? Совсем ничего не нужно!

- Ну у меня, знаешь, тоже не сахар, - грустно ответила Нюта. - Живем как соседи. К Лидочке он равнодушен, домой не спешит, детский плач его раздражает. Пеленки цепляются за голову.

Коляска стоит на проходе. И спит он в соседней комнате.

Зина тут же поджала губы.

- Ну он же работает! И ему необходимо высыпаться. И он, между прочим, кормит семью!

- Семейно! - горестно вздохнула Нюта. - А разве это семья? Семейно у моих родителей - все вместе, и в горе, и в радости. А тут... Просто соседство. Не очень, кстати, приятное.

Зина хмыкнула и засобиралась домой. Нюта поняла, что та уже не подруга - золовка. И заводить с ней подобные разговоры глупо и бесполезно.

А у самой двери, натягивая пальто, Зина не сдержалась:

- Тысячи баб бы тебе позавидовали. Не пьет, не курит, не шляется. Зарплату - в дом! А у тебя - бардак. Посмотри! Вещи разбросаны, пыли в полпальца! В ванной пеленки в тазу. А обед? Снова пельмени? Вот и думай, кто виноват. И кто из вас хуже - он как муж или ты как жена. И еще - посмотри на себя. Без слез не взглянешь. И вообще, ты сегодня причесывалась?

- Родишь - посмотрим, как запоешь по-другому! - выкрикнула ей вслед Нюта, понимая, что кричит уже бывшей подруге.

Но со временем все стало понемногу выправляться - девочка стала спокойнее, сон налачился, и Нюта успевала высыпаться и постепенно приходила в себя. В голове стояли Зинины слова, и она понимала, что правда в них есть. Теперь она следила за собой, не ходила в старом халате и стоптанных тапках, к приходу Германа подкрашивала губы и подкручивала волосы. Старалась приготовить что-нибудь на ужин. Убирала в квартире. Словом - старалась. Потому что сама хороша: так и упустишь мужа, и разоришь гнездо, мама права.

Накрывала ужин и садилась напротив. Герман словно ничего не замечал - снова читал газету и коротко отвечал на вопросы. Она выносила Лидочку, и он, делая «козу рогатую», трепал дочку по щечке и торопился к себе. Это называлось «работать». Точнее - писать диссертацию.

В три года Лидочка пошла в сад, а Нюта устроилась на работу - в бюро технических переводов. Работа была скучная, но коллектив хороший и график удобный. В комнате сидело пять женщин - три, включая Нюту, замужние и две «холостые». «Холостая» Светлана бравировала своим одиночеством и убеждала всех (а главным образом себя), что брак - пережиток и в рабство она не желает. Вторая из «холостых», Надя Крупинкина, замуж хотела страстно и этого не скрывала. Все спрашивала, нет ли у кого одиноких или разведенных мужчин - из родни или просто знакомых. Надя была высокой, крупной и красивой блондинкой. И почему ей так не везло? Едкая Светлана заметила:

- Выключи красный свет в глазах - мужики шарахаются. У тебя же на лбу написано - хочу в загс, и только туда.

У Светланы был женатый любовник - он встречал ее на машине после работы. Поговаривали, что работает Светлана у дома еще и потому, что до квартиры - минут пять, не больше. Торопятся, чтобы быстрее «обтупить свои дела», - у мужика жена строгая, и являться с работы ему велено минута в минуту. Иначе - скандал. Еще говорили, что видели, как через полчаса он выскакивает из ее подъезда и, глядя на часы, газует со страшной силой и рвет со двора.

Правда это или выдумки - кто уж там знает. Замужние женщины чувствовали себя увереннее и с явным превосходством.

Только Нюта была не с ними – никакой уверенности и никакого превосходства. Она хорошо знала цену своей семейной жизни.

И на душе было снова неладно... Словом, неудачница, что говорить. Жить без любви – аморально. Эти слова она не забыла.

Зато у дочки был отец. Какой-никакой, а отец.

Вот этим она и оправдывала себя и свой странный, поспешный, дурацкий и несчастливый брак.

А по поводу того, что тысячи женщин ей бы могли позавидовать... Зина, наверное, права. Так, слушая краем уха своих сотрудниц, она понимала – проблемы у всех. У кого-то – больше, у кого-то меньше. У немолодой и очень славной Нины Петровны муж – человек прекрасный, но очень больной. И Нина Петровна мотается по больницам – после работы, в любую погоду. Чтобы принести мужу свежего супчика, который она варит рано утром и держит в холодильнике на работе. На резонный вопрос: «А если хотя бы ну через день?» – твердо отвечает: «Нет! Язва, ничего больничного есть не может. И так человек страдает, а мне, здоровой кобыле, что, трудно?»

Ну, насчет «здоровой» – большие сомнения. Нина Петровна без конца бегала в медпункт мерить давление, терла виски и пила таблетки. Но уверяла, что всю жизнь была счастлива, хотя муж болел с молодости и поэтому детишек не завели. И ни одной жалобы! Ни одной. Просто однажды сказала – каждый несет свой крест. Кому что суждено.

Другая сотрудница, из замужних, смешливая Тоня, мужа своего обожала, и это читалось в ее глазах. Просто светилась от счастья, когда тот звонил на работу. Двое девчонок, отдельная квартира, старенький «москвичонок». Летом на море, в Ялту. Только иногда Тонечка приходила заплаканная. Не шутила и «на кофе» в столовую с «девочками» не бегала. А потом кто-то шепнул – Димулька ее запойный. Так – мужик золотой. Рукастый, сметливый. Запивает раз в полгода, и тогда – кранты. Пьет до синевы, до остановки сердца. С трудом откачивают. Отлежится – и снова золото. Говорят, что болезнь. Наследственная. У Димульки все пили: дед, прадед, отец.

Елена Ильинична. Замечательная Еленочка. Тонкая, чуткая, интеллигентная. Сын Марик – тоже умница. В тридцать лет кандидат наук, пишет докторскую. Женат на прекрасной девочке – пианистке. И тут не обошлось – всю жизнь Еленочка прожила со свекровью. А свекровь эта... Пьет из невестки кровь, и тоже всю жизнь. Капризная интриганка – сталкивает лбами родню, наговаривает сыну на жену. К внуку равнодушна. Ни черта не делает, только сплетничает и ссорит людей. А деваться некуда! Квартиру не разменяешь – комната в коммуналке, правда, огромная, метров тридцать. Перегорожена ширмой. И всю ночь эта цаца храпит или стонет. Спать не дает, а утром всем на работу. А она целый день, разумеется, дрыхнет.

Словом, в каждом шкафу свой скелет. И по всему выходит, что она, Нюта, почти счастливая!

Было раннее утро. Лидочка собиралась в сад, капризничала и не хотела надевать теплую шапку. Нюта увещевала ее, пыталась подключить Германа, но тот только махнул рукой – сама виновата – и хлопнул входной дверью.

Лидочка ревела, выплевывала леденец, топала ногами, скидывая валенки – словом, настоящая истерика, настоящий скандал. Отлупить? Будет еще хуже. Не уgomонится весь день. В саду будет рыдать у окна, не будет обедать и спать. Невропатолог сказал – тонкая организация.

А Герман считал – просто капризы и избалованность. Все и во всем потакают. А уж дед с бабкой – настоящие вредители.

Нюта обижалась, спорила с ним, но в душе была согласна – Лидочка была классическим ребенком, испорченным любящей родней.

Она в бессилье плюхнулась на стул, раздраженно бросив дочери:

- Ну, так и сиди! До вечера. А я иду на работу.

Звонок раздался в ту минуту, когда она «изображала» спектакль, натягивая пальто, – вот сейчас уйду, и посмотришь!

Лидочка притихла и с испугом и недоверием смотрела на мать. «Трубку брать не буду, – решила Нюта, – и кому это в такую рань приспичило?»

А телефон не умолкал, продолжая настойчиво требовать, чтобы на него обратили внимание.

Раздраженная Нюта схватила трубку.

- Кто? Не слышу! Говорите громче!

И тут, когда она наконец поняла, кто на том конце провода, сердце почти остановилось.

Он что-то спрашивал ее, а до нее никак не доходил смысл слов, и она все молчала, а он дул в трубку и повторял ее имя.

- Вы слышите меня, Нюта? Может, перезвонить?

Тут ее охватил такой ужас – а вдруг он не наберет ее снова, решив, что она занята или просто не хочет с ним говорить, и она почти закричала:

- Я слышу вас! Слышу!

Он рассмеялся и, как ей показалось, обрадовался и оживился.

Она тараторила, что родителей в городе нет и на даче нет тоже, они в санатории. Где? Далеко – вралла она. Нет, к ним не добраться – какая-то глушь под Саратовом.

Господи! Что я несу, при чем тут Саратов? Родители в Подмоскovie, минут сорок на электричке, но...

Она не отдаст его никому! Никому, слышите?

Он стал рассказывать, что в Москве на неделю, хотя, может быть, получится больше – долго дождался консультации профессора, светила по ранениям позвоночника. Возможно, придется лечь в госпиталь. Неохота, конечно, но делать нечего. Остановился в гостинице возле госпиталя, «любуюсь Москвой из окна».

- Почему из окна? – спросила она.

- Да простыл. Видимо, в поезде. Так, ерунда. Пустяки. Ну а как вы? Как все, Нюта?

Она стала отчитываться – родители хорошо. То есть держатся. Короче говоря, молодцы. А я... –

Тут она замолчала. – Ну, и я... Нормально. Работаю. Замужем.

Отчего-то повисла пауза.

– Вот и славно! Такой девушке остаться в девках не грозило! – засмеялся он.

В этот момент снова завопила Лидочка, и Нюта почему-то смутилась.

– У вас дочка! – догадался он и смущенно добавил: – Я вас отвлекаю! Простите великодушно.

Она снова испугалась, посмотрела на часы и сказала, что через минут пятнадцать вернется домой и...

– Вам не трудно будет перезвонить? Ну, если можно и это вас не затруднит.

Яворский помолчал и ответил:

– Конечно. А сейчас бегите к ребенку. Там, похоже, целое море слез и страданий!

Нюта надела сапоги, схватила упирающуюся дочку и выскочила за дверь. План в ее голове созрел мгновенно, молниеносно.

Лиду – в сад. На работу позвонить. И – к нему! Никаких звонков она ждать не будет. Потому...

Потому, что на это у нее просто не хватит сил!

По дороге она вспомнила, что одета слишком просто: серая юбка, черная кофточка. Почти не покрашена, не надушена, и с головой черт-те что. И все – дочкина истерика. Где уж тут до себя!

«Наплевать, – решила она, – на все наплевать! Слишком долго я ждала. Слишком долго. Прогонит – ну и ладно. Нет, не прогонит – воспитанный человек не прогонит дочь друга. Выпьем чаю, поговорим за жизнь. Посмотрю на него и уйду. Просто посмотрю. И просто уйду. А если я этого не сделаю... То не прощу себе всю оставшуюся жизнь. Не прощу», – бормотала она, таща дочку за руку и поторапливая ее.

Лидочка смотрела на мать с удивлением – мама не уговаривает, не обещает шоколадку и мультики. Очень торопится и разговаривает сама с собой.

Она затолкала дочку в группу и попросила нянечку ее раздеть.

– Тороплюсь, – посетовала она, – Лида в капризах, и вот на работу... Опаздываю.

Нянечка тяжело вздохнула.

– Все они у вас... балованные. Все от жизни хорошей!

Нюта закивала, чмокнула дочь и выскочила за дверь. Она так бежала к метро, что подвернула ногу – постояла с минуту, скорчившись от боли, и снова заторопилась.

У метро стояла очередь за апельсинами. Она встала, подумав, что ему хорошо апельсины. От простуды – сплошь витамин С. Ну, и вообще, с пустыми руками...

Потом ей стало смешно – она едет проведывать больного. Какая глупость! Она едет к нему!

Потому что не забывала его все эти годы. Потому что, услышав его голос, поняла, что любовь никуда не делась. Просто дремала все это время. А сейчас снова проснулась. И - ей на все наплевать! На то, что она замужняя женщина. Мать. Дочь. Человек с устоями и правилами. Честная женщина! Боже, как это смешно. Наплевать! На все! Ей надо увидеть его и во всем признаться. А если прогонит, то это даже по-своему облегчение. Она сбросит гири и путы со своей души и со своего сердца.

Да наплевать, что там будет потом. Просто сейчас ей надо его увидеть!

И больше ни о чем не думать. И еще - спешить. И плевать на марокканские апельсины!

Гостиничка при военном госпитале оказалась маленькой, затрапезной, похожей на общежитие. Она вошла и увидела женщину, сидящую за столом и пьющую чай.

- Яворский, - решительно спросила она, - у себя?

Женщина посмотрела на нее с осуждением, словно раздумывая, кивнула.

- Второй этаж, тридцатая комната. И давайте свой паспорт!

Она долго (просто сто лет) листала страницы, потом что-то отметила в своем кондуите и тяжело вздохнула:

- Идите!

Нюта кивнула.

- Спасибо.

- Имейте в виду, - крикнула ей вслед женщина, - посещения строго до двадцати одного!

Нюта ничего не ответила и уже взлетала по лестнице.

У двери с пластмассовым номерком «30» она остановилась, замерла, испугавшись биения своего сердца. Ей казалось, что оно бухает громко, словно огромный литой колокол, и что слышно его на весь коридор.

Наконец она выдохнула и постучала.

- Войдите! - произнес хриловатый голос.

Она резко открыла дверь и увидела его - он сидел за столом и читал книгу.

Увидев ее, Яворский привстал и сделал шаг ей навстречу.

- Вы? - растерялся он. - Простите, не ожидал.

Она молчала. Он подошел к ней, чтобы помочь снять пальто.

Она подняла на него глаза, полные мучительного стыда, боли и радости.

- Вот, - одними губами сказала она, - вот, пришла...

У него слегка дрожали руки, и она это почувствовала. Дотронулась до его ладони и тихо

спросила:

- Вы... не рады?

Он повесил пальто на вешалку, обернулся, посмотрел на нее и ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)